

Огни Кузбасса

№ 5 / 2009

Дорогой Василий Степанович,
поздравляем Вас с семидесятилетием!
Желаем крепкого здоровья и творческих успехов!

Василий ФЕДАНОВ

И ЛИШЬ ПОЭТЫ НА ПРЕДЕЛЕ ПЕРЕВОДИЛИ КАК УМЕЛИ

* * *

А на бульвар слетелись галки,
На свежескошенный газон.
Для галок нет запретных зон,
Но что за митинг, елки-палки!

Не жалобы в ООН строчат,
Но так пронзительно кричат,
Что их детей, детей соседей,
Смешных галчат и сорочат
Бензином травят, как хотят.

И птицы просят исключить,
Вообще изъять бензокосилки.
Кричат они: верните косы
И чистые живые росы!

Невнятен этот птичий крик,
И лишь поэты на пределе
Переводили их язык
На человеческий как умели.

ТРАМВАЙНЫЙ РОМАНС

Вор заблудился в кошельке,
Бессвязно пьяные кричали.
...А вы стояли в уголке
И ничего не замечали.

Две бабки, белые как снег,
Скрипели, головой качали...
...А вы таились в тесноте
И никого не замечали.

Трамвай рывками брал разбег,
Колёса по мозгам стучали.
...А вы дышали в духоте
И ничего не замечали.

Глядели вы глаза в глаза.
Глазами тайну излучали.
Там, за чертой добра и зла...
И никому не докучали.

* * *

А я открытье сделал вдруг –
В саду завёлся бурундук.
Он совершал свои набеги
Из территории нейтральной,
То бишь с заброшенного сада.
И мы бы гостю были рады,
Но бурундук был хулиган.
Он пачками таскал морковь,
И я разбил коленки в кровь,
Пока три дня за ним гонялся.
Но успокоился вдруг сразу –
Зачем ловлю вора-заразу –
У нас моркови – завались!

*Еще растет ее две грядки
Я поругался для порядка,
Бурундука того простил,
А он обиделся, наверно,
И в гости к нам не приходил...*

* * *

*В ведерке древо-апельсин,
Я разговариваю с ним.
Оно дитя, еще «пацан»,
А будет дерево...*

*А подрастет когда оно,
Направлю я его в окно.
О, как гордиться будет им
Мой город Кемерово!*

ПОКРОВ ДЕНЬ

*И сад уснул...
Под первый снег
Легла измученная крона.
Охранники идут в отгул.
Им вслед швыряет
Дикий смех
Самодовольная ворона.*

ДЕНЬ СОРОКОВОЙ

Рассказ

Федька проснулся, как обычно в последнее время, с тяжелой головой. Старался вспомнить, у кого вчера он выпрашивал самогон, чтобы не наглеть, придя повторно к «благодетелю». Он знал всех, кто в поселке Путиловский гнал брагу, а из нее самогон. Голова, хоть и трещала, но Федька вспомнил, что был у Нюрки и обещал ей помочь с заготовкой дров, похвалив себя, что не пропилил окончательно память, он окунул голову в бочку с водой и, встряхнув оставшимися волосами, побрел к Захару, справедливо решив, что уже давненько не был у него. Почти неделю. Захар – мужик хозяйственный. Федька шел и думал, какую услугу ему предложить.

Дверь открыл Степка, сын Захара.

– Папка дома? – заискивающе спросил незванный гость.

– Нету, – ответил сын – десятилетняя копия отца.

– Где он? – упрямо допытывался Федька.

– По делам каким-то ушел, – серьезно отвечал Степка.

Федька, отодвинув Степку, вошел в избу и стал зыркать по углам. Шагнул за занавеску и, увидев флягу, аж весь затрясся. Он готов был и брагу вместо самогона хлестать, чтоб утолить жар похмелья.

– А вон мамка идет! – перебил Федькины мысли Степка.

Федька вздрогнул. Анну, жену Захара, он боялся. Это была крепкая бабенка. Она могла и с крыльца его спустить. Разозленный от неудачи Федька метнулся из хаты, чтоб не попасть под горячую Анкину руку.

Вскоре вернулся и Захар. Когда отец зашел, сын подробно рассказал о приходе Федьки и показал, как тот заглядывал за занавеску.

Захар от греха подальше убрал флягу с брагой в погреб, а другую флягу, залив водой, поставил за занавеску. И вовремя.

Во дворе залаяла собака. Выглянув в окно, Захар пошел принимать нагрывавших гостей – участкового милиционера Листового Ивана, председателя поселкового Совета Большевикова Григория и, конечно, Федьку-алкаша. Захар подошел к калитке, спросил:

58

– Зачем пожаловали? Что ли выборы опять и бюллетени, что ли разносите?

– Люди бают, Захар, что ты бражку гонишь, – глядя в сторону, пробубнил участковый.

– Что за люди? – уточнил Захар.

– Есть бумага, вот мы и понятого взяли, – похлопав по портфелю, уточнил Листовой.

– А нельзя ли посмотреть на бумагу? – не унимался Захар.

– Нельзя, тайна следствия, – парировал участковый. – Вот посмотрим, что у тебя... во фляге, тогда и бумагу покажем.

– А что ж, заходите, – как бы нехотя согласился хозяин, – у меня от властей секретов нет.

Федька рванул впереди всех на крыльцо и двинулся за занавеску, где стояла фляга.

– Ну, давай кружку, – сказал молчавший все время Большевикова. Он вчера был на районном симпозиуме, и голова требовала свое.

Захар зачерпнул из фляги и подал кружку представителю власти. Тот медленно сделал несколько глотков и, ничего не понимая, передал кружку милиционеру.

По лицу Большевикова нельзя было ничего понять, тот и сам ничего не понял. Или он еще

после вчерашнего не очухался, или бражка еще не настоялась.

Листовой начал пить, и лицо его из серого превращалось в землистое. Бражкой и не пахло. Федька недоуменно переводил глаза с лица власти на лицо милицейское, и его собственное лицо стало грустнеть.

– Что это? – спросил Листовой.

– Что это? – как эхо повторил Большевиков.

Захар, приняв кружку, сел за стол и, перекрестившись в угол на икону, стал медленно рассказывать.

– Вы ведь знаете, что у меня в прошлом месяце теща умерла.

– Да, да, – закивали все трое головой, – и мы выражаем еще раз соболезнование.

– Так вот, – продолжал Захар, – она перед самой смертью пригласила нас с женой и высказала свою последнюю просьбу, что после ее

омовения сохранить воду и через сорок дней вылить ее на могилу, когда душа будет отлетать... Завтра сорок дней, идем на кладбище, чтобы...

Он не успел договорить, как начал падать Большевиков и стало рвать Листового, а Федька резко рванул к двери.

– Стой! – заорал участковый, но понятой, ничего не слушая, ускорился... На его беду Большевиков, падая, еще находился в сознании и успел схватить беглеца за ногу. Листовой прицелкнул наручник к своей руке и Федькиной. Другой рукой с помощью Захара поднял представителя власти и еле живого вывел из Захарова дома...

Р. С. Захара вызывали на административную комиссию, где он объяснял, как его достал Федька. Комиссия отпустила Захара... Да, штраф он заплатил. Закон-то нарушил.

Как молоды мы были! Первомайская демонстрация, 1969 год, г. Киселёвск.
Слева Василий Феданов, справа Валерий Зубарев, а в центре Незнакомка